

С Е Р И Я
П О Л И Т И Ч Е С К А Я
Т Е О Р И Я

СОЦИОЛОГИЯ ВЛАСТИ

*Теория и опыт
эмпирического
исследования власти
в городских сообществах*

ВАЛЕРИЙ ЛЕДЯЕВ

*Издательский дом
Высшей школы экономики*
МОСКВА, 2012

УДК 316.334.3
ББК 60.56
Л29

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Рецензент
доктор политических наук, профессор,
зав. кафедрой политического анализа
МГУ им. М.В. Ломоносова
АЛЕКСАНДР СОЛОВЬЕВ

- Л29 **Ледяев, В. Г.** Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах [Текст] / В. Г. Ледяев; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — 472 с. — (Политическая теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0909-8 (в пер.).

В монографии проанализирован и систематизирован опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах, начавшегося в середине XX в. и ставшего к настоящему времени одной из наиболее развитых отраслей социологии власти. В ней представлены традиции в объяснении распределения власти на уровне города; когнитивные модели, использовавшиеся в эмпирических исследованиях власти, их методологические, теоретические и концептуальные основания; полемика между соперничающими школами в изучении власти; основные результаты исследований и их импликация; специфика и проблемы использования моделей исследования власти в иных социальных и политических контекстах; эвристический потенциал современных моделей изучения власти и возможности их применения при исследовании политической власти в современном российском обществе.

Книга рассчитана на специалистов в области политической науки и социологии, но может быть полезна всем, кто интересуется властью и способами ее изучения.

УДК 316.334.3
ББК 60.56

ISBN 978-5-7598-0909-8

© Ледяев В.Г., 2012
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
ВВЕДЕНИЕ	11
РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИЗУЧЕНИЯ ВЛАСТИ В ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВАХ	17
I. РАННИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ (1920–1940-е ГОДЫ)	20
II. КЛАССИЧЕСКИЙ ЭТАП (1950–1970-е ГОДЫ)	27
III. СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП (1980-е ГОДЫ — НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ)	65
РАЗДЕЛ ВТОРОЙ. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВЛАСТИ В ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВАХ	91
IV. ПРОБЛЕМАТИКА ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВЛАСТИ В ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВАХ	94
V. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВЛАСТИ	105
VI. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ВЛАСТИ В ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВАХ	124
VII. СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ВЛАСТИ В ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВАХ: ТЕОРИИ «МАШИН РОСТА» И «ГОРОДСКИХ РЕЖИМОВ»	150
VIII. ОСНОВНЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЛАСТИ	177
РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ. КЛАССИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЛАСТИ В ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВАХ	209
IX. ИССЛЕДОВАНИЕ РОБЕРТА И ХЕЛЕН ЛИНД В «МИДДЛТАУНЕ»	211
X. ИССЛЕДОВАНИЕ ФЛОЙДА ХАНТЕРА В АТЛАНТЕ	223
XI. ИССЛЕДОВАНИЕ РОБЕРТА ДАЛЯ В НЬЮ-ХЕЙВЕНЕ	242
XII. ИССЛЕДОВАНИЕ РОБЕРТА ПРЕСТУСА В ЭДЖВУДЕ И РИВЕРВЬЮ	275

XIII. ИССЛЕДОВАНИЕ ДЕЛБЕРТА МИЛЛЕРА В СИЭТЛЕ, БРИСТОЛЕ, КОРДОБЕ И ЛИМЕ	292
XIV. СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЛАСТИ ДЖОНА УОЛТОНА И ТЕРРИ КЛАРКА	317
XV. ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МНОГОМЕРНЫХ МОДЕЛЕЙ ВЛАСТИ: ИССЛЕДОВАНИЯ МЭТЬЮ КРЕНСОНА В ГЭРИ И ВОСТОЧНОМ ЧИКАГО И ДЖОНА ГЭВЕНТЫ В КЛЕАР ФОЛК УЭЛЛИ	335
XVI. МАРКСИСТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЛАСТИ В 1960–1980-х ГОДАХ . .	352
XVII. ИССЛЕДОВАНИЕ БАРБАРЫ ФЕРМАН В ЧИКАГО И ПИТТСБУРГЕ . .	370
XVIII. ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДСКИХ РЕЖИМОВ В ЕВРОПЕ	393
XIX. ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЛАСТИ В РОССИЙСКИХ ГОРОДАХ И РЕГИОНАХ	418
ЛИТЕРАТУРА	443
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	469

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга стала итогом моей научной работы последних десяти лет. До этого — в 1990-е годы — меня интересовала проблема концептуализации власти, и я принял участие в дебатах по поводу содержания данного понятия. Итогом работы стали англоязычная и русскоязычная версии монографии «Власть: концептуальный анализ» [Ledyayev, 1998; Ледяев, 2001]. Завершив «концептуальный» этап, я встал перед выбором направления дальнейшей работы и естественным образом начал с изучения опыта использования понятия власти в эмпирических исследованиях. Поскольку наиболее популярным направлением изучения власти были и остаются исследования в городских сообществах, выбор был фактически предопределен.

Тема оказалась крайне непростой, поскольку, кроме чисто концептуальных аспектов, которые интересовали меня в первую очередь, пришлось вникать во многие другие сюжеты, касающиеся специфики и особенностей институционального дизайна, исторического, социального, культурного и других контекстов городской политики, а также понять объяснения распределения власти, предложенные различными течениями общественно-политической мысли. В результате предмет исследования существенно расширился и вышел за пределы изначально обозначенных рамок, хотя фокус на проблемах методологии исследования и моделях объяснения сохранился.

Последнее обстоятельство мне представляется важным в контексте становления и развития отечественной политической науки, социологии и регионалистики: более чем полувековой зарубежный опыт изучения власти в городских сообществах может помочь совершенствованию отечественных исследований власти. При всех особенностях и специфике российской политической практики изучение власти в нашей стране фокусируется на тех же вопросах, которые интересуют и наших зарубежных коллег. Как структурируются властные отношения в социальных общностях? Сконцентрирована ли власть в руках отдельных групп (элит) или остается дисперсной (плюралистической)? Насколько вариативны и изменчивы паттерны власти? Что определяет конфигурации наиболее влиятельных акторов городской политики? Как изучать властные отношения? Какие концепции власти и когнитивные модели способствуют адекватному описанию и объяснению современной политической практики? Эти и другие вопросы находятся в центре внимания исследователей власти независимо от их страновой принадлежности и теоретико-методологической ориентации. Они и определяют структуру книги, которая, надеюсь, будет полезной всем, кто хочет разобраться в сложных проблемах власти и понять, как ее следует изучать.

Книга вряд ли была бы написана без участия и помощи многих людей и организаций. Я очень признателен российским коллегам — Геннадию Ашину, Геннадию Батыгину, Алексею Воскресенскому, Оксане Гаман-Голутвиной, Владимиру Гельману, Инне Девятко, Александру Дуке, Наталье Лапиной, Виктору Мохову, Владимиру Николаеву, Петру Панову, Дмитрию Сельцеру, Денису Теву, Алле Чириковой, зарубежным исследователям — Роберту Далю, Стивену Льюксу, Герейнту Перри, Деннису Ронгу, Ричарду Роузу, Элистеру Эдвардсу и другим ученым, с которыми мне посчастливилось обсуждать идеи и фрагменты книги.

Основной массив материалов для написания книги был собран во время научных стажировок в ряде зарубежных университетов. Я выражаю признательность факультету социальных исследований Манчестерского университета, социологическому факультету Нью-Йоркского университета, факультету политики и международных отношений Абердинского университета за создание прекрасных условий для работы над темой во время стажировок. Стажировки были предоставлены Британской академией наук (Манчестерский университет, 2001), Фондом Фулбрайт (Нью-Йоркский университет, 2001–2002) и Научным фондом НИУ ВШЭ (Абердинский университет, 2006). Финансовая поддержка проектов, выполненных в русле данной темы, осуществлялась Центральным-Европейским университетом в Будапеште (2000–2001 гг.), Министерством образования РФ (2001–2002), Российским гуманитарным научным фондом (2001–2002), Российским фондом фундаментальных исследований (2003–2005), Научным фондом НИУ ВШЭ (2009–2010).

Многие фрагменты текста были ранее опубликованы в виде статей в научных сборниках и журналах («Социологический журнал», «Логос», «Полития», «Политическая наука», «Неприкосновенный запас», «Сравнительная политика» и др.). При подготовке книги к печати все журнальные версии были обновлены, дополнены и переработаны.

Я благодарен руководству Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», социологическому факультету, кафедре анализа социальных институтов, предоставивших возможности для научной деятельности.

Я рад, что моя книга публикуется в Высшей школе экономики — вузе, в котором я работаю. Благодарю коллектив издательства НИУ ВШЭ за книгу. Отдельное спасибо Марине Ковалевой за качественную профессиональную редакцию текста.

Особая благодарность моей жене Ольге, которая всегда поддерживает меня во всех делах.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение власти и влияния в различных городских сообществах¹ является, пожалуй, наиболее развитым направлением социологии власти. Начиная 1920-х годов проведены сотни исследований; в них использовались различные модели и объяснения распределения власти, обобщен гигантский эмпирический материал, позволивший расширить и углубить знание многих важнейших аспектов политической жизни и функционирования социума. В последнее десятилетие к изучению власти в локальных сообществах активно подключились и отечественные исследователи.

Городские сообщества являются лишь одним из многих локусов власти; спектр властных отношений крайне вариативен и проявляется в самых различных формах социальной жизни. Поэтому современная кратология представляет собой крайне сложный комплекс научного и гуманитарного знания, в котором выделяется несколько предметных сфер.

Во-первых, *концептуально-философский дискурс власти*. Многочисленные попытки объяснить феномен власти предпринимались философами и политическими мыслителями начиная с Античности. Настоящая революция в концептуальном анализе власти произошла в середине XX в. вместе с началом эмпирических исследований власти, потребовавших выработки четких операциональных дефиниций «власти». К анализу понятия обратились многие философы, социологи и политические мыслители с мировым именем, в том числе Б. Рассел, Ч. Мерриам, Г. Лассуэлл, Т. Парсонс, Х. Арендт, Р. Даль, М. Фуко, Э. Гидденс и др.

Во-вторых, наибольший интерес социальных исследователей традиционно фокусировался на объяснении *распределения политической власти в обществе* («кто правит?»). В центре их внимания были и остаются вопросы о сравнительных достоинствах и недостатках различных форм правления, оптимальных вариантах и перспективах демократии, возможностях и механизмах ограничения влияния групп, обладающих наибольшими ресурсами власти.

¹ В литературе это направление исследований известно как «community power studies». Большинство исследователей предпочитают понятие «сообщество» (community), а не «город» или «территориальная общность», поскольку оно шире и относится не просто к географической территории города или государственной структуре, а ко всем социально-политическим процессам и отношениям в данном месте [Trounstein, Christensen, 1982: 20]. Однако другие полагают, что как раз термин «городская структура власти» (urban power structure) является более точным, поскольку «позволяет принять во внимание, во-первых, что большинство недавних исследований имели место в городах, а не в таких сообществах и квазисообществах, как деревни, племена и поселения, во-вторых, что существует множество структур власти, оказывающих влияние на жизнь каждого города» [Field, 1970: 3].

В-третьих, получили развитие *исследования власти в важнейших социальных группах и институтах*. В частности, предметом исследования стали властные отношения *в семье, в малых группах, в организациях*. В их числе — исследования власти *в городских сообществах*.

Главная причина обращения автора книги к данному направлению изучения власти заключается в том, что последние *могут выступать в качестве модели анализа власти в социуме*. Исследователей политики всегда привлекали и будут привлекать прежде всего наиболее важные для общества формы и проявления власти, связанные с деятельностью национальных элит. Однако возможности проведения систематических исследований власти на этом уровне крайне затруднены. Масштабы целей и задач чаще всего вынуждают исследователей ограничиваться какими-то отдельными аспектами власти или институтами; при этом им приходится искать доступ к наиболее влиятельным фигурам государственной политики, что весьма непросто даже в странах с устойчивыми демократическими традициями. Однако и интервьюируемые представители политической элиты отнюдь не всегда обладают общим видением ситуации, а значительная часть информации оказывается либо закрытой, либо поверхностной. Наконец, эти трудности увеличиваются в разы при попытках проведения сравнительных исследований, без которых вряд ли возможно понять суть происходящего.

В силу этих обстоятельств ученые обратили внимание на более доступные сферы исследования. Выбор был сделан в пользу локальных сообществ, которые, по выражению Терри Кларка, стали для исследователей чем-то вроде фруктовых мушек, используемых биологами при изучении живых организмов: «их много, они разнообразны, значительно менее сложные, чем общества, относительно доступные, и часто гордятся, когда их исследуют» [Clark, 1968a: 4]². Городские сообщества стали настоящими лабораториями по изучению власти, в которых формулировались гипотезы, тестировались политические теории, совершенствовались когнитивные модели и методы. При этом многих исследователей, в том числе классиков жанра, они интересовали главным образом как микрокосмы общества³.

Другая причина высокой популярности исследований «локальной власти» заключалась в том, что *эта сфера властных отношений важна*

² Об этом прямо писали и другие исследователи, объяснявшие свой выбор в пользу городских сообществ. Например, Д. Миллер, отмечая важность выявления наиболее влиятельных акторов в странах Латинской Америки, отметил, что «фокус на городе, а не стране делает исследование возможным» [Miller, 1970: 107].

³ Ф. Хантер: ««сообщество» — это первостепенный центр власти... и место, где властные отношения наиболее удобно наблюдать» [Hunter, 1953: 2].

и интересна сама по себе. При всей значимости «центральной» политики политическая сфера ею не исчерпывается; функционирование региональных и городских политических систем может касаться деятельности больших групп людей, влиятельных организаций и институтов, а степень вариативности локальных властных практик дает широкий диапазон для теоретических обобщений. Отношения власти на субнациональном уровне несравненно ближе к тем, кто, как правило, и составляет основной объект власти — людям, живущим на определенных территориях, а потому может вызывать у них повышенный интерес и желание понять, как осуществляется социальное управление и кто определяет основные параметры их жизнедеятельности.

Наконец, выбор в качестве предмета изучения корпуса эмпирических исследований власти в городских сообществах был обусловлен и тем обстоятельством, что данная отрасль политической науки и социологии продемонстрировала высокий научный уровень анализа, став, по мнению одного из ведущих специалистов в данной области Алана Хардинга, «образцом ясности концептуальных оснований и методологии» [Harding, 2009: 27]. Поэтому накопленный опыт изучения властных отношений в городских сообществах представляется, пожалуй, наиболее «репрезентативным» для понимания самого феномена власти и выработки оптимальных способов его изучения.

О чем конкретно данная книга? Понимая, что властные отношения пронизывают все аспекты политики, а выражение «власть в городских сообществах» для многих тождественно выражению «городская политика», мне представляется важным с самого начала обозначить набор тем, проблем и исследовательских практик, которые станут предметом моего анализа. Понятно, что невозможно и даже нецелесообразно пытаться охватить все сферы властных (политических) отношений на субнациональном уровне и фокусировать равное внимание на всех формах и этапах развития политического процесса⁴. Мой выбор предмета исследования определялся следующими соображениями.

Во-первых, я исходил из того, что при изучении власти центральным вопросом является далевский вопрос «*кто правит?*» или, перефразируя, «*кто является субъектом (субъектами) власти в локальных сообществах?*». Этот вопрос оказался в фокусе внимания уже в самых

⁴ В контексте данных рассуждений показательна структура обоих изданий «Теорий городской политики» [Theories of Urban Politics, 1995; 2009], в которых собственно власти посвящены отдельные разделы наряду с разделами об институциональных основаниях городской политики, демократии и политическом участии граждан. Редакторы последнего издания выделили три «классические» проблемы в изучении городской политики: 1) кто обладает властью в городе, 2) какова природа политико-экономического управления (governance) и 3) как оно влияет на граждан, а граждане влияют на него [Davies, Imbroscio, 2009: 5].

ранних исследованиях 1920–1930-х годов, интерес к нему сохранялся на протяжении десятилетий и в настоящее время он по-прежнему остается в числе приоритетных. В соответствии с этим основное внимание в книге будет уделено способам выявления наиболее влиятельных акторов городской политики, обоснованию основных индикаторов власти и полемике относительно валидности используемых методов, а также объяснениям, кто и почему правит в городских сообществах.

Во-вторых, важнейшим ракурсом изучения власти является анализ *спектра форм и проявлений властных отношений*. Каким образом субъект навязывает волю объекту? Как формируется пространство власти? Остаются ли у «слабых» групп шансы противодействовать доминирующим акторам городской политики? Какие ресурсы и стратегии они могут использовать?

В-третьих, обязательным направлением изучения власти является выявление *факторов, обуславливающих структуру и конфигурацию форм власти в городских сообществах*. Почему властные отношения в них существенно варьируются? Какие факторы способствуют централизации (концентрации) власти и что обуславливает поддержание и укрепление плюралистической системы власти? Насколько властные отношения зависят от социально-экономических характеристик социальной общности? Как взаимосвязана структура власти в общности и структура власти в социуме в целом? Ответы на эти вопросы позволяют выстроить модели объяснения власти и определить возможности совершенствования практики социального управления.

В-четвертых, специальное внимание уделяется определению *источников и причин эволюции моделей изучения власти*. Последовательное рассмотрение результатов исследовательских проектов позволяет понять логику и движущие силы развития данной отрасли политической науки и социологии и определить наиболее перспективные направления изучения власти. Именно поэтому я сознательно не стремился фокусировать внимание исключительно на современных исследованиях, а попытался представить все основные этапы эволюции исследования власти в городских сообществах.

В-пятых, большая часть книги посвящена *результатам эмпирических исследований власти в американских и европейских городах*, где они получили наибольшее распространение и развитие. Однако анализируя зарубежный опыт, автор по понятным причинам держит в уме возможности и перспективы его использования для изучения власти в российских городах и регионах. С этой точки зрения мне представляется важным сосредоточить внимание на *исследовательских практиках, которые могли бы найти применение в отечественной политической науке и социологии*.

Эти соображения в какой-то мере позволяют снять потенциальную критику со стороны коллег за невключение в содержание книги тех или иных направлений (течений), сложившихся в эмпирическом исследовании власти. Я уверен, что последующие работы смогут восполнить имеющиеся пробелы, а постоянно расширяющаяся практика эмпирических исследований власти в российских городах и регионах позволит лучше оценить международный опыт и выявить перспективные направления исследования власти как в нашей стране, так и за рубежом.

Размышляя над структурой книги, я понимал, что будет весьма не просто гармонично расположить материал, поскольку неизбежно придется как-то совмещать хронологический (исторический) и тематический (проблемный) подходы. С одной стороны, логика изложения требует последовательного анализа наиболее значимых эмпирических исследований. С другой стороны, представлялось важным уделить специальное внимание основным теоретико-методологическим проблемам, с которыми сталкивались исследователи, и как-то суммировать результаты исследований и их основные импликации. Исходя из этого, я остановился на варианте, который хотя и допускает некоторые повторы, тем не менее позволяет сочетать хронологическое изложение материала с тематическим. При этом параллельное изложение тех или иных теорий в рамках анализа эволюции данной отрасли политической науки и социологии (раздел I), теоретико-методологических оснований эмпирических исследований (раздел II) и отдельных исследовательских проектов (раздел III) может быть вполне удобным читателю, который получает компактную информацию в нескольких разных ракурсах.

Таким образом, книга состоит из трех разделов. Первый раздел включает анализ эволюции эмпирических исследований власти — начиная с самого первого проекта Роберта и Хелен Линд, выполненного в конце 1920-х годов, и заканчивая исследованиями последних лет. Фактически данный раздел содержит все основные идеи книги; в нем представлены хронология и этапы изучения власти в социальных общностях, кратко охарактеризованы наиболее значимые исследования, их теоретические основания, проблематика, используемые методы и основные результаты. Некоторым читателям этого будет достаточно для получения общего представления об истории формирования и современном состоянии данной отрасли политической социологии.

Второй раздел специально посвящен вопросам теоретико-методологического характера. В нем будут рассмотрены 1) основные проблемы, 2) концептуальные основания, 3) теоретические подходы, 4) новейшие модели и 5) методы исследования власти в городских сообществах.

Наконец, третий раздел включает в себя корпус текстов, посвященных конкретным эмпирическим исследованиям; в них содержится подроб-

ный анализ наиболее значимых исследовательских проектов, упомянутых и кратко описанных в первом разделе книги (Р. и Х. Линд, Ф. Хантер, Р. Даль, Р. Престус, Д. Миллер, Дж. Уолтон, Т. Кларк, М. Кренсон, Дж. Гэвента, Б. Ферман, марксистские исследования 1960–1980-х годов, исследования городских режимов в Европе и эмпирические исследования власти в российских городах и регионах конца XX и начала XXI в.).

Изучение власти и властных отношений всегда актуально в силу особой роли, которую играет власть в жизни человека и общества. Значимость темы особенно возрастает в периоды трансформаций общественной системы и структурных реформ, результаты которых напрямую зависят от характера власти и ее основных параметров: исследование власти может помочь в создании рациональной системы социального управления и, одновременно, инструментов эффективного контроля за теми, от кого зависят судьбы миллионов людей. Я надеюсь, что научная экспертиза основных концепций власти и социологических моделей изучения властных отношений в различных социальных системах будет способствовать формированию методологических, теоретических и опытно-практических условий для анализа широкого круга проблем, связанных с властью и социальным управлением, совершенствованию методики и техники проведения эмпирических исследований и тем самым более адекватному объяснению специфики власти и политического процесса в российском обществе.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИЗУЧЕНИЯ ВЛАСТИ В ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВАХ

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

Считается, что самым первым эмпирическим исследованием власти в городских сообществах было исследование Роберта и Хелен Линд в г. Мунси (штат Индиана, США) в 1920–1930-х годах [Lynd, Lynd, 1929; 1937]. С тех пор данное направление социологии власти превратилось в одну из наиболее развитых отраслей современного обществоведения и прошло ряд этапов в своем развитии. В литературе по теме я не обнаружил конкретных попыток периодизации истории исследований; но фактически в ней довольно четко выделяются *три основных периода (этапа)*, каждый из которых, в свою очередь, имеет свои вехи и ключевые исследовательские проекты:

1. Ранние исследования (1920–1940-е годы).
2. Классический этап (1950–1970-е годы).
3. Современный этап (1980-е годы — настоящее время).

При всей условности данной периодизации и, особенно, трудностях в установлении и обосновании четких хронологических рамок для каждого периода выделение именно этих трех периодов вполне естественно, поскольку *исследования, выполненные в разные исторические периоды, существенно различаются по своей проблематике и методологии*. На первом этапе властные практики в социальных общностях еще не стали предметом самостоятельного изучения; не было и специально разработанных методов исследования. На втором (классическом) этапе изучение власти стало систематическим; были разработаны разнообразные модели исследования, а количество проектов стало исчисляться десятками и сотнями. Современный этап связан с появлением новых теоретических подходов к изучению власти в локальных сообществах — теорий «машин роста» и «городских режимов», которые стали явно доминировать в исследовательской практике и получили широкое распространение не только в США (где зародилось данное направление политико-социологического исследования), но и в других странах.

I. Ранние исследования (1920–1940-е годы)

Начальный этап изучения власти в городских сообществах включал в себя исследования, предшествующие проекту Флойда Хантера в Атланте. Это исследования Р. и Х. Линд, У. Уорнера, А. Холлинсхеда, Э. Балцела. Все они были проведены в США. В Европе и других частях света данное направление политико-социалистических исследований стало активно развиваться значительно позднее — с конца XX в.

У всех исследований данного периода есть ряд общих черт, которые отразили трудности и противоречия процесса становления данной отрасли политической социологии. Во-первых, они *не были сфокусированы непосредственно на власти*: власть изучалась параллельно с другими важнейшими аспектами общественной жизни города. Во-вторых, исследования были *эпизодическими* и по сравнению с последующими этапами их количество оставалось незначительным. В-третьих, они *не опирались на специальные методы изучения власти*.

Эти характеристики раннего этапа исследования были обусловлены не только тем естественным обстоятельством, что социальные науки в первой половине XX в. еще только набирали силу, но и рядом иных факторов, тесно связанных с особенностями развития данного направления социального познания. Среди этих факторов наиболее важным оказалась *дисциплинарная принадлежность*, которая обусловила четвертую общую черту ранних исследований: *они проводились социологами*, — политологи подключились к изучению власти в социальных общностях несколько позднее, уже в 1950-х годах¹. В то время интеграция социологии и политической науки еще только намечалась; поэтому способы исследования и модели объяснения существенно различались в зависимости от принадлежности исследователя к той или иной отрасли социального знания. Это отразилось как в расстановке исследовательских приоритетов, так и в специфике подходов к объяснению власти в городских сообществах.

Для социологов власть не являлась специальным (самостоятельным) предметом исследования; как правило, их интересовал значительно бо-

¹ Нелсон Полсби, считающийся главным экспертом по ранним исследованиям власти в городских сообществах, отмечает, что в то время данное направление социальных исследований «практически полностью оставалось провинцией социологов» [Polsby, 1980: 11].

лее широкий круг проблем жизнедеятельности социума — трудовые отношения, занятость населения, быт, досуг, религия, общественная деятельность и проч. При этом анализ власти, ее источников и модулей существования в социологии существенно отличался от принятого в политической науке. Среди американских политологов преобладали сторонники плюралистической теории, согласно которой власть в Америке — как на уровне государства, так и на локальном уровне — распределена между различными группами, активно участвующими в политике. Плюралисты отвергли тезис о наличии в обществе властвующей элиты, считая, что власть изменяется в зависимости от того, какие группы в данный момент преобладают в принятии тех или иных политических решений; акцент в исследованиях власти ставился на политических институтах и деятельности государственных и партийных организаций. Как отметили Ф. Тронстайн и Т. Кристенсен, политологи «фокусировали внимание на *структурах политического управления* (government. — В. Л.), а не на власти как таковой... и имели тенденцию игнорировать другие квази- или негосударственные структуры, которые влияли на государственное управление... Власть полностью не игнорировалась, но имела место тенденция концентрировать внимание на ее легальном использовании» [Trounstein, Christensen, 1982: 21].

У социологов изучение власти приобрело несколько иной характер. Они больше внимания уделяли влиянию различных социальных факторов на формирование властных отношений, фактически рассматривая власть в качестве переменной, зависимой от социальной структуры общества. Поэтому подход, лежащий в основании ранних эмпирических исследований власти в городских сообществах, был назван «стратификационной теорией власти». Суть ее состоит в том, что конфигурация властных отношений в сообществе определяется характером ее стратификации, разделения на определенные классы и группы в иерархическом порядке.

Систематизируя основные положения данной теории, Н. Полсби выделил пять ее основных постулатов:

1. *В локальных сообществах правит господствующий класс.* Между исследователями существуют разногласия по поводу конфигурации признаков класса и количества классов в конкретном сообществе; однако общим моментом является признание наличия у какой-то группы людей определенного набора качеств, которые обуславливают их доминирование в городской политике. В их числе обычно называются: доход, статус, престиж, род занятий, степень участия в социальной жизни и другие характеристики.

2. *Политические лидеры и руководители местных публичных институтов занимают подчиненное положение по отношению к высшему*

классу. Субординация проявляется в том, что они оказывают меньшее влияние на жизнь города по сравнению с высшим классом и часто вынуждены выполнять его волю.

3. На вершине властной пирамиды находится «правлящая элита», состоящая из представителей высшего класса.

4. Элита высшего класса правит в своих собственных интересах.

5. В силу этого имеет место естественный конфликт между высшим классом и низшими классами [Polsby, 1980: 8–11]².

Все эти постулаты получили отражение уже в самом первом эмпирическом исследовании, проведенном Робертом и Хелен Линд в «Миддлтауне»³ в 1920-х и 1930-х годах [Lynd, Lynd, 1929; 1937]. Власть рассматривалась ими наряду с другими важнейшими аспектами общественной жизни города. Было обнаружено, что *политика в городе контролируется элитой бизнеса, в которой, в свою очередь, доминирует одна семья (семья «Х»)*. Власть делового класса опиралась на его материальные ресурсы и престиж, тогда как рабочий класс был инертен и в силу разных причин не был готов к активному сопротивлению его воле. Семья «Х» занимала стратегические позиции во всех важнейших сферах городской жизни — экономической, социальной, политической, фактически контролируя их. Политическое влияние семьи «Х» осуществлялось как непосредственно — через руководящие структуры в обеих партийных организациях города, так и через неформальные связи, а также в форме «правления предвиденных реакций»⁴. Городские политики и чиновники имели более низкий реальный статус, чем бизнес-элита. Последняя рассматривала их как «неизбежное зло», поскольку ей

² Данные пропозиции фактически включают в себя многие центральные идеи как элитистского, так и марксистского (классового) подхода к объяснению распределения власти.

³ На самом деле, как уже отмечалось ранее, Линды проводили исследование в г. Мунси, в котором проживало около 30 тыс. человек в 1925 г. и около 50 тыс. в середине 1930-х годов. До 1960-х годов исследователи по традиции давали собственные названия городам, в которых проводили исследования, — «Янки-сити» (У. Уорнер), «Региональный город» (Ф. Хантер), «Американский город» (Р. Даль), «Тихоокеанский город», «Английский город» (Д. Миллер). Отчасти это было обусловлено тем, что в то время они стремились (сознательно или неосознанно) экстраполировать полученные результаты и выводы на остальные городские сообщества и потому старались не упоминать название конкретного города, в котором проводилось исследование.

⁴ Сами Линды не использовали термин «правление предвиденных реакций» (the rule of anticipated reactions), несколько позднее введенный в научный оборот К. Фридрихом для обозначения тех случаев осуществления власти, где объект действует в соответствии с предполагаемыми намерениями субъекта, предвидя его реакции [Friedrich, 1937: 16–18]. Но фактически они имели в виду именно эту практику властвования.

не (очень) хотелось непосредственно заниматься управлением, но она была заинтересована в том, чтобы не было серьезного вмешательства государства в ее бизнес⁵.

В 1930–1940-е годы отдельные аспекты власти изучались Уильямом Уорнером, выпустившим серию книг о «Янки-сити» (г. Ньюбурпорт, штат Массачусетс, США) [Warner, Lunt, 1941; 1942; Warner, Srole, 1945; Warner, Low, 1947; Warner, 1959]. Так же как и Линды, Уорнер видит основания власти в социальном и экономическом статусе и приходит к выводу, что в городе доминировали высшие классы вместе с высшим средним классом. В Янки-сити «наиболее влиятельной группой были янки». Но не все янки составляли правящую элиту города. Наряду с высшим классом в городе имел место «солидный, уважаемый высший средний класс», который представлял собой актив высшего класса и на 80 с лишним процентов состоял из янки. Главный аргумент Уорнера состоит в том, что *высшие классы значительно более представлены в структурах власти, чем население в целом* [Warner, Lunt, 1941: 372]. Уорнер также ссылается на ситуации, в которых *небольшие группы представителей высшего класса осуществляли контроль над значительно превосходящими их по численностям группами из низших страт*. В качестве примера он подробно рассматривает выборы в организацию «Ветераны всех войн», когда небольшой группе членов организации из высшего класса удалось навязать свою волю большинству и сделать президентом нужного ей человека [Ibid: 143–144, 168–173]. Другой показательный пример, который подробно разбирает Уорнер, — получение представителями высшего класса запрета на работу в ночное время фабрики, расположенной рядом с их домами. Вследствие запрета владелец фабрики был вынужден покинуть город, уволив 120 рабочих. Еще более острым был конфликт между собственниками и рабочими, приведший к массовой забастовке, в результате которой многие рабочие также были уволены. Все эти ситуации Уорнер описывает как примеры *классового* конфликта, полагая, что его периодические обострения были обусловлены действием двух факторов: 1) отсутствием условий для вертикальной мобильности у рабочих и 2) тем обстоятельством, что владельцы предприятий проживали за пределами города и оказывались вне зоны действия социальных ограничений, которые могли бы быть наложены на них, если бы они проживали в городе [Warner, Low, 1947: 10, 108–133].

Сосредоточение контроля над политической сферой в руках высших классов было выявлено и в исследовании Августа Холлинсхеда в г. Моррис, штат Иллинойс, США [Hollingshead, 1949], целью которого было

⁵ Подробнее см. гл. IX наст. изд.

установление связи между социальным статусом и различными формами участия граждан в общественной жизни. В центре исследования — средняя школа в Элмтауне⁶. Главное внимание Холлинсхед уделяет влиянию социального статуса учащихся на результаты учебы⁷; вместе с тем его интересовали и властные отношения в общности. Он обнаружил, что власть в городе принадлежит «узкому кругу аристократии, объединенной общими интересами. Все они имеют собственность и хороший доход, образуя довольно закрытую сеть, в которую постороннему проникнуть весьма непросто... Эта группа людей может оказать серьезное давление; у них широкий спектр интересов, земля, городская собственность, банки и другие вещи; и они обладают огромной властью и престижем» [Hollingshead, 1949: 72].

Холлинсхед конкретно не рассматривал проблемы, в решении которых эта власть непосредственно проявлялась, но был уверен, что она действительно охватывает широкий спектр вопросов. В этом отношении интересно приведенное Холлинсхедом высказывание одного из респондентов: «Когда им что-то нужно, они собирают своих детей, родственников, внуков, родню со стороны жен и мужей. Когда речь заходит о голосовании, они дают знать своим работникам и съемщикам о своих предпочтениях. Когда приходит время принятия решений, эта группа становится единой... Когда мне что-то нужно, я всегда иду к этой группе... Если я не могу привлечь их на свою сторону, я отбрасываю идею в сторону» [Ibid.: 72–73]. Как и в Миддлтауне, главный интерес высшего класса Элмтауна заключался прежде всего в поддержании низких налогов; последнее обычно обеспечивалось с помощью контроля над деятельностью городских партийных организаций [Ibid.: 86]. Однако открытые конфликты были сравнительно редкими: большинство жителей Элмтауна воспринимало власть высших классов как естественную, что обеспечивало сохранение классовой системы с ее неравенствами и в будущем [Ibid.: 123–124, 451–452].

Холлинсхед приводит следующие аргументы в пользу тезиса о том, что высший класс («Класс 1») составляет властвующую элиту города. Во-первых, представители высшего класса значительно реже подвергаются аресту; для Холлинсхеда это индикатор статуса и власти, свидетельствующий о том, что закон по-разному применяется к разным классам [Ibid.: 79]. Во-вторых, высший класс курирует партийные организации города. Непосредственно политикой занимаются люди из дру-

⁶ Такое название Холлинсхед дал г. Моррису в своем исследовании.

⁷ Холлинсхед обнаружил, что социальный статус учащихся обуславливал существенные разрывы в показателях посещения школы, отметках, участии детей в различных видах школьной деятельности [Hollingshead, 1949: 129, 169–170, 180–192].

гих страт, но это не значит, что они свободны от контроля со стороны высшего класса. «Этот контроль за сценой реализуется в формировании консервативной политики и выборе должностных лиц, действующих в качестве агентов по реализации интересов высшего класса» [Ibid.: 86]. В качестве примера Холлинсхед рассматривает блокирование попыток выстроить новое здание школы: представители высшего класса не были заинтересованы в этом, поскольку являлись владельцами земли, а основные средства на строительство школы могли быть получены с помощью повышения налогов, в том числе на землю⁸.

Небезынтересно отметить, что г. Моррис стал также объектом исследования Уильяма Уорнера [Warner, 1949], который считал, что «политическая организация Джонсвилля⁹ соответствует другим составляющим социальной структуры..., совпадая с классовыми очертаниями основной политики» [Ibid.: xviii]. Уорнер рассматривал властные отношения сквозь призму основного социального «кливиджа» в городе между управлением и рабочими «Милла» — главного предприятия города, на котором трудилось более трети всех его работников. В целом «Милл» занимал приблизительно то же место в Джонсвилле, что и семья «Х» в Миддлтауне; по сути, ни один серьезный вопрос не мог быть решен без его фактического согласия. «Экономическое и социальное могущество “Милла” оказывает влияние на все сферы жизни городского сообщества. Все признают его власть. Политики, сняв шляпу, ждут, что скажет управляющий “Миллом” мистер Уоддел по вопросам типа: “Следует ли повысить налог для улучшения образования?”, “Следует ли назначить новым министром мистера Джонса или мистера Смита?”» [Ibid.: 101].

Таким образом, во всех исследованиях четко прослеживается мысль о явном превалировании бизнес-класса и концентрации власти в руках элиты, которая из него рекрутируется и реализует его интересы. Политики, призванные выражать интересы различных социальных групп, фактически зависят от бизнес-элиты и играют роль второго эшелона в реальном управлении социальными общностями. Впоследствии эти аргументы будут развиты Ф. Хантером и другими исследователями элитистского направления.

Естественно, что результаты и выводы исследований подверглись всестороннему анализу и критике со стороны оппонентов и прежде всего из плюралистического лагеря. Резюме Полсби: выводы исследователей

⁸ Этот случай вполне может быть описан с помощью концепции «второго лица власти», которую несколько позднее развили американские политологи П. Бахрах и М. Барац: власть заключается в способности субъекта ограничить сферу принятия решений «безопасными» проблемами («непринятие решений») [Bachrach, Baratz, 1962: 947–953; 1963: 641–651].

⁹ Так Уорнер назвал г. Моррис в своей книге.

оказались примерно одинаковыми, но все они «неправильные» [Polsby, 1980: 3]. Полсби указал на ряд недостатков, которые, на мой взгляд, действительно имели место, хотя отдельные его комментарии представляются не вполне убедительными.

Полсби считает, что *результаты исследований фактически опровергают выводы и положения стратификационной теории*. Главный его аргумент заключается в том, что при принятии решений по важным проблемам городской политики *далеко не во всех описанных исследователями ситуациях бизнес-элита одерживала верх над своими оппонентами и (или) успешно инициировала те или иные решения и(или) изменения*. В качестве иллюстрации он разбирает описанные разными авторами ситуации: борьбу вокруг проекта решения вопроса о сбросах фабричных отходов в Уайт Ривер, поражение на выборах мэра в Янки-сити ставленника высших классов, проигрыш «Милла» в вопросе о юнионизации в Джонсвилле и др. В этих конфликтных ситуациях иные силы смогли навязать свою волю, и «элите» пришлось смириться [Ibid.: 14–44].

Кроме того, нередко распределение ценностей и благ осуществлялось в интересах низших классов. В любом случае *реализация интересов бизнес-элиты далеко не всегда является индикатором ее власти*, поскольку она может быть результатом действия других факторов, в частности следствием апатии со стороны рабочих. Наконец, Полсби справедливо указывает на недооценку иных (кроме классовых) конфликтов в городской общности¹⁰.

У данных исследований есть и другие недостатки, многие из которых относятся и к более поздним (и зрелым) попыткам изучения власти в социальных общностях. Отметим три из них: 1) исследования ограничивались одним локальным сообществом, что, по сути, исключало возможность качественного сравнительного анализа и убедительных обобщений; 2) не было четкости в понимании городского сообщества и его пределов в контексте распределения политической власти; практически не учитывались взаимоотношения местных акторов со структурами власти более высоких уровней; 3) исследователи не опирались на хорошо прописанные методы выявления субъектов власти.

Однако при всех недостатках ранние исследования власти, бесспорно, сыграли важную роль в развитии целого направления политической социологии, по сути, заложив его основания. Они продемонстрировали актуальность и значимость изучения власти в локальных сообществах, обозначили основную проблематику и предложили вполне связанный набор суждений, определяющих понимание властных отношений и их динамики.

Конец ознакомительного фрагмента

Полная версия книги доступна на litres.ru

Научное издание

Серия «Политическая теория»

ВАЛЕРИЙ ЛЕДЯЕВ

СОЦИОЛОГИЯ ВЛАСТИ
ТЕОРИЯ И ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ ВЛАСТИ
В ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВАХ

Главный редактор

ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией

ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Редактор

МАРИНА КОВАЛЕВА

Художник

ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Верстка

ОЛЬГА ИВАНОВА

Корректор

САИДА ХОРОШКИНА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Тел./факс: (499) 611-15-52

Подписано в печать 20.03.2012. Формат 70×100/16

Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 38,4. Уч.-изд. л. 31,2

Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Изд. № 1450. Заказ №

Отпечатано

ООО «Информационные Банковские

Системы. Консалтинг»

105264, Москва, ул. 4-я Парковая, 23

Тел./факс: (499) 272-00-03

ISBN 978-5-7598-0909-8

9 785759 809098